

ВЕНСКИЙ лес... Венский лес...
Сразу на ум приходит знаменитый штраусовский вальс «Сказки Венского леса». А еще: фильм Жюльена Дювиэ «Большой вальс». И знаменитая сцена в лесу, когда Штраус (артист Фернан Граве) и Карла Доннер (артистка Милица Корьюс) «сочиняют» этот самый вальс. Замечательная сцена замечательного фильма! (А нельзя ли еще раз показать его на наших экранах?)

Итак, Венский лес.
И — прекрасная Вена!
Город не в Венском лесу, а у подножия Венского леса. Не уверен, знают ли поголовно все, что Венский лес — вовсе не лес, а горный хребет с вершиной Шёпфль (893 метра над уровнем моря), один из отрогов Альп. Он спускается здесь к самому Дунаю, и гора Каленберг, пожалуй, последняя высокая точка хребта, откуда вся Вена, как на ладони. Здесь лежит снег...

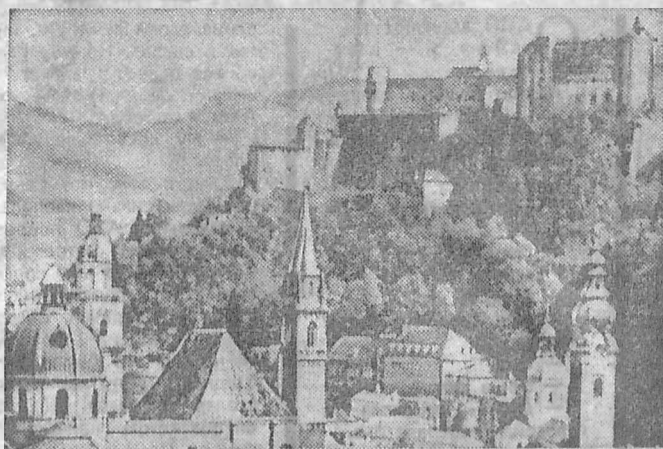
ФЕВРАЛЬСКАЯ Вена в дымке. Огромный город, вместивший почти четверть населения Австрии, лишь угадывается общими очертаниями «старого города» и окраин, высоким шпилем собора святого Стефана и громадами дворцов.

А внизу, на площадях и улицах, почти не осталось и следа от нынешней снежной зимы. Похоже, что весна не за горами. Однако люди одеты по-разному: одни — почти по-весеннему, а другие ходят в шубах. Погода явно переменчивая, неустоявшаяся, и каждый по-своему реагирует на нее...

На одной из центральных улиц меня привораживают широкие витрины. В них — вдруг! — увидел я свое детство: великолепие гнущей венской мебели со спинками и сиденьями из соломки. Да, та самая венская мебель, о которой часто мечтали моя мать и наши сухумские соседи!

Я захожу в магазин. Здесь выставлены кресла, качалки, стулья — да, настоящие венские стулья фирмы «Тонет». Оказывается, она существует до сих пор и делает не только гнущую мебель, но и наимоднейшую. Но меня интересуют только «гнущие венские стулья» — стулья моего детства, стулья молодости моих родителей. Вена, помимо вальсов, была знаменита у нас и венскими стульями. Но не только!

А венская оперетта?
Кто из нас не испытал и не испытывает до седых волос ее очарования? И опять же — Иоганн Штраус! Я был знаком еще до приезда в Вену с телевизионной постановкой «Летучей мыши» в венской «Штатс-опер». Теперь я попал на «Цыганского барона» в «Фолькс-



ЗАЛЬЦБУРГ. Вид на старую крепость

опер». А приехав в Москву — на премьеру «Цыганского барона» в Театре Станиславского и Немировича-Данченко.

Венцы играют «Барона» строже, чем москвичи, делая особый упор на музыку, на вокал. Он где-то между оперой и опереттой. А москвичи играют просто по-опереточному — шутивей, задорней, веселей (режиссер Владимир Канделаки). От обеих постановок я выношу такое впечатление: Штраус прекрасен и в той, и в этой интерпретации.

В «Штатс-опер» была «Неделя Верди» (вслед за этой неделей по всей Австрии по традиции начнется «неделя Бетховена», которая завершится балом в «Штатс-опер» с участием членов правительства). Я попал на «Фальстафа». В главной роли — Джузеппе Таддеи из Италии. Две исполнительницы — из Болгарии, один певец — из Японии, два артиста из Соединенных Штатов и еще певец из Мексики.

Мне сказали, что такую практику ввел знаменитый дирижер Герберт фон Караян. В свое время его за это критиковали. А теперь говорят:

— Нам надо поддерживать постановки «Штатс-опер» на высоком, присущем Вене уровне. Поэтому мы и приглашаем артистов из разных стран. На нашей сцене пели также советские артисты.

Это, по-моему, веский довод в пользу высокой артистичности.

ЛЮБОПЫТНОЙ была беседа с доктором Халльмаром Гертцем в Музыкальном обществе. Мы говорили о Бетховене и Штраусе, о Моцарте и Шуберте, о великой плеяде композиторов, живших в Вене.

Я спросил:
— Что самое примечательное в нынешней музыкальной жизни Австрии?

Доктор Гертц ответил:
— К сожалению, мы не можем похвастаться именами композиторов мирового масштаба.

Георгий
ГУЛИА,
специальный
корреспондент
«Литературной
газеты»

БЛИЗ ВЕНСКОГО ЛЕСА

РЕПОРТАЖ

• Свидание с Иоганном Штраусом • Что волнует австрийских писателей • «Красота — отражение правды»

Но одно событие нас очень порадовало: это постановка в свое время незавершенной оперы «Лулу» покойного Альбана Берга. Ее закончил наш композитор Фридрих Церха. Премьера в Париже и Вене явилась большим событием в музыкальной жизни.

Он спросил меня, не собираюсь ли я в Зальцбург.

Я вспомнил слова пресс-атташе австрийского посольства в Москве господина Мартина Саидика, который сказал мне:

— Вену мы, австрийцы, очень любим, но Австрию без Зальцбурга не мыслим. Город небольшой, а музыка в нем великая.

— Да, я собираюсь туда, — сказал я доктору Гертцу.

— И правильно сделаете. В Зальцбурге ежегодно проводятся музыкальные фестивали. Там прекрасная опера, очень хорошая филармония. Постоянно даются музыкальные концерты.

Теперь и я могу засвидетельствовать: да, небольшой Зальцбург, с населением в полтора-два тысяч человека, — большой центр музыкальной культуры не только Австрии, но и Европы. Он освещен именем Моцарта, родившегося здесь, на виду высоких гор, на берегу красивой реки Зальцах.

РАЗГОВОР о музыке, о романном вкладе в которую внесли австрийцы, как бы сам собой продолжился в городской библиотеке Вены, где собраны уникальные экспонаты. Ее руководитель доктор Иоганн Циглер показал мне коллекцию рукописей Бетховена, Штрауса и других композиторов. Он влюблен в творчество Штрауса-сына. В то время как Иоганн Штраус поражает своей нотной чистотой, Бетховен повергает в полное недоумение, ибо записывал ноты особой скорописью, расшифровка которой весьма затруднительна. Его музыкальное мышление опережало технические возможности записи.

Общества литераторов и Общества писателей города Гарца (последнее совсем молодое).

Мне довелось побывать в Обществе литераторов, где, в частности, познакомился с молодым, пишущим для молодых писателем Петером Розеи. Это приветливый, ладно сложенный человек. Многие в Австрии возлагают на него как на прозаика большие надежды. (Наше издательство «Радуга» скоро выпустит в свет его сборник «Отсюда и туда», в который вошли повесть и рассказы). Высказывания Розеи о роли литератора, о буднях и их отражении в творчестве содержат много и верного, и спорного. Они напечатаны в «Альманахе» издательства «Резиденц».

— Полагаю, что работа

литераторов. Оно в основном занимается устройством авторских вечеров. Его связи с издательствами минимальные, стало быть, и собственно творческие вопросы — очень важные для литератора — почти исключены.

Скажем так: издательство «Резиденц» в Зальцбурге издает только оригинальные произведения на немецком языке. Здесь я узнал, что стихи «расходятся» плохо, требуют дотации. И еще: почти все австрийские писатели, за исключением Эриха Фрида, не в состоянии жить на гонорары. Прекрасно изданные книги, в частности по архитектуре, дотируются. Это делают или земельные правительства, или министерство культуры. «Резиденц-ферлаг» издает в год до

— А я не хочу. Предпочитаю живое общение с читателями.

— Кто же они, ваши читатели? И как вы общаетесь с ними?

— Студенты, школьники. Они, если хотят, приглашают меня.

— И этим зарабатываете деньги? И сколько?

— Немного, тысячи три-четыре шиллингов. Но мне хватает.

— А все-таки печатают вас или нет?

— Кто захочет — напечатает.

Я просмотрел стихи. Вот одно из них:

Многие ждут
наш день
своего дня.

дей развешивали свои произведения на липкой железной ленте...

ЕСТЬ в Венском ботаническом институте лаборатория, которой руководит профессор Карло Карниель. Его жена хорошо говорит по-русски, в свое время пополнила свои знания на курсах русского языка при Московском университете.

Профессор Карниель обменивается научной информацией со многими нашими учеными. Его пылкий взгляд старается проникнуть внутрь самой клетки и тем самым лучше понять биологические процессы. В этом ему помогает электронный микроскоп.

Мне продемонстрировали тончайший срез листа и увеличили его в... 700 тысяч раз. Непонятные цепи точек, точек увели меня в фантастический микроскоп.

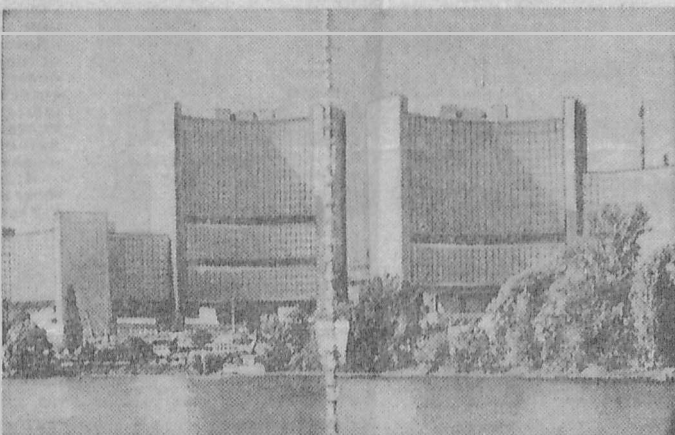
Австрийские ученые давно вносят большой вклад во все области знаний. Многие их работы отмечены Нобелевскими премиями. Среди лауреатов мы находим и имя Вольфганга Паули, одного из создателей квантовой механики.

Профессор Карниель с гордостью показывал мне книги наших ученых с дарственными надписями, он очень дорожит научными связями с советскими биологами.

Перед зданием института тротуар огорожен низенькой металлической изгородью: это охраняется двухсотлетняя липа, могучее растение с огромной кроной. Я вспомнил, что в Москве, на Тверском бульваре, против дома номер три-надцать, растет двухсотлетний дуб. Что, если и его огородить и учинить возле него ответственную надпись?

АВСТРИЯ — страна нейтральная. Не так давно здесь отмечали двадцатипятилетие договора, который гарантировал австрийскую государственность, и статуса нейтральной страны. Этот договор, под которым стоит подпись и Советского Союза, способствовал росту благосостояния народа. Верно, многое изменилось к лучшему. Однако то и дело слышишь ворчанье: снова повысились цены на проезд в метро и автобусах, снова то здесь, то там уменьшилось количество рабочих мест! А когда спрашиваешь о жалованье, неизменно следует встречный вопрос: «Брутто или нетто?» И тут же объясняют: слишком высокие налоги, они растут так же, как и цены. У всех на устах пример, когда один известный деятель культуры перешел в гражданство княжества Лихтенштейн, чтобы избежать высоких налогов... Что же, может, все и так. Австрийцам виднее...

ВЕНА—МОСКВА



ВЕНА. Международный центр ООН

тридцати названий книг, из них две-три книги стихов, а всего художественных произведений — до двадцати названий. Общий тираж всех книг — около двухсот тысяч экземпляров.

ОДНАЖДЫ вечером в центре Вены, недалеко от собора святого Стефана, я увидел металлическую ленту наподобие бельевой веревки, соединившую два столба на уровне глаз. На этой ленте были приклеены бумажные листочки. Оказалось, что это стихи и маленькие рассказы. Кстати, один из их авторов оказался здесь же. Спрашиваю:

— Это вы пишете?

Молодой человек лет тридцати улыбается.

— Да, я, — говорит он.

— Разве вас не печатают?

Многих ждет каждый день лишь ожидания следующего дня...

И в заключение:

Многих не ждет каждый день, даже ожидания следующего дня.

Еще одно стихотворение:

ПРЕЖДЕ ЧЕМ БУДЕТ РЕШЕНО,
нам ты должен стать, —
воришь ли ты,
что это сам
решаешь свою судьбу?

Поэт считает, что судьбу человека «решает» кто-то другой за него», и отвергает эту опеку.

Он сказал мне:

— Полиция время от времени делает мне замечания...

— И что же?

— А я не подчиняюсь ей...

Еще несколько молодых лю-